

Пределы роста

Возможности количественного роста исчерпывались. Он не мог решить накапливающихся проблем. Гонка за ресурсами привела к их значительному удорожанию (Запад по другим причинам столкнулся с этой проблемой в середине 70-х гг.). Но экономическая логика продолжала тянуть хозяйство на экстенсивный путь, изымая последние средства из фондов, которые могли быть использованы для технического перевооружения уже существующей промышленности.

В 1980 г. средний срок службы оборудования составил 26 лет (при нормативе в 13 лет). Более 11 лет работало уже 35,1% мощностей, то есть каждая третья единица оборудования¹⁸⁶. Износ основных фондов промышленности возрос в 1980–1985 гг. с 36 до 41% (в тяжелой промышленности — до 42%, в том числе в топливной — до 47%, в черной металлургии — до 45%)¹⁸⁷. Для сравнения – в капиталистической РФ начала XXI века эти показатели хуже – 47,8–55,6% (по разным отраслям) в 2005 г.¹⁸⁸ При нынешних темпах обновления основных фондов оно может быть проведено только за полвека. В СССР масштабное обновление промышленности проходило раз в четверть века.

Высокий износ оборудования – вовсе не следствие особенностей «социалистической» (то есть государственной) экономики. Здесь мы снова сталкиваемся с последствиями кризиса зрелого индустриального общества. США переживали свой «застой» в 50-е гг. И что же? На машиностроительных предприятиях Америки доля оборудования возрастом более 10 лет возросла в 1953–1958 гг. с 56% до 60%, причем большинство станков в металлообработке были сконструированы до 1939 г.¹⁸⁹

По подсчетам В. Селюнина и Г. Ханина в 1984 г. тяжелая металлургия получила средств меньше, чем было необходимо на замену изношенных мощностей. Аналогичные процессы происходили и в других отраслях промышленности¹⁹⁰. Затраты на капитальный

¹⁸⁶ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.367.

¹⁸⁷ Там же. С.375.

¹⁸⁸ Россия в цифрах. 2006. Краткий статистический сборник. М., 2006. С.199.

¹⁸⁹ Соединенные Штаты Америки. С.278.

¹⁹⁰ Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С.248.

ремонт машин и оборудования составили в 1985 г. 9,6 миллиардов рублей при общем объеме капитальных затрат — 65,5 миллиардов¹⁹¹. Промышленность продолжала расти вширь, хотя ее оборудование нуждалось в физическом и моральном обновлении. После прихода к власти Горбачева, в период ускорения лидеры СССР попытаются решить эту проблему привычными средствами — вложить как можно больше ресурсов в передовые технологии. Они не понимали, что резервы собственно индустриальной системы исчерпаны, дальнейшее развитие должно быть обеспечено качественно новой инфраструктурой, необходимо стимулировать инновации и развивать сетевые информационные системы, основанные не на вертикальных связях и монополизме, а на сетевых горизонтальных отношениях и автономии. В итоге программа «ускорения» провалилась, нанеся решающий удар по бюджету страны.

А в начале 80-х гг. вследствие все большей изношенности оборудования экономика страны стала подходить к черте, за которой предприятия уже были не в состоянии перерабатывать даже те ресурсы, которые поступали в их распоряжение. Этот процесс можно было проследить даже по открытым источникам, что позволило В. Сокирко сделать пророческий вывод: "В 1985–1990 гг. прирост национального дохода станет меньше прироста населения, и страна начнет нищать: не относительно других стран, а абсолютно, и не по отдельным группам населения, а в целом..., что откроет эру социальных потрясений»¹⁹².

Но у СССР была неплохая кислородная подушка — высокие цены на нефть. Они позволяли ослабить дефицит за счет импорта. Тем более, что СССР импортировал не только энергоносители, но и промышленную продукцию, которая сохраняла конкурентоспособность в странах Третьего мира. Топливо и электроэнергия составили в 1980 г. 46,9% советского экспорта (в 1985 г. эта цифра выросла до 52,7%)¹⁹³. Е. Гайдар ссылается как на очевидный факт на неконкурентоспособность продукции гражданского машиностроения СССР на мировом рынке. Но в доказательство этой, казалось бы, очевидности, ссылается на данные торговли СССР с развитыми странами (куда советская промышленность умудрялась пристроить на 838 млн. долларов продукции)¹⁹⁴. Но Е. Гайдару должно быть известно, что мировой рынок значительно шире, чем рынок развитых стран. СССР экспортировал продукцию машиностроения в страны Третьего мира. Так, например, в 1980 г. СССР экспортировал 2,5 тыс. станков.

По экспорту оружия и военной техники СССР стоял на первом месте в мире, осуществляя 28% продаж¹⁹⁵.

Положительное сальдо внешней торговли в 1980 г. составило 5171 миллионов инвалютных рублей (то есть более 7 миллиардов долларов). В 1985 г. положительное сальдо упало до 3235 миллионов. В 1986 г., несмотря на падение цен на нефть — возросло до 5699 миллионов. В 1980–1985 гг. экспорт вырос на 10%¹⁹⁶.

Е. Гайдар утверждает: «К началу перестройки нарастание внешнего долга страны

¹⁹¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.374, 376.

¹⁹² Сокирко В.В. Указ соч. С.2.

¹⁹³ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.659.

¹⁹⁴ Гайдар Е.Т. Указ. соч. 176

¹⁹⁵ Швейцер П. Указ. соч. С.104.

¹⁹⁶ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.644.

приобрело лавинообразный характер»¹⁹⁷. Однако цифры более скромны, чем их интерпретация либеральным экономистом: в 1984 г., т.е. в последний год «застоя», сальдо внешнего долга СССР составило 5,9 млрд. долл. Это меньше, чем в 1981 г., когда этот показатель составил 6,4 млрд. долл. Лишь в 1986 г., т.е. не к началу Перестройки, а после ее начала и после черновильской катастрофы сальдо составило 15,1 млрд. долл. Величина, впрочем, для Советского Союза вполне терпимая.

Нефтедоллары позволяли СССР создать развитую систему социального государства, поддерживать уровень жизни, приближающийся к странам Запада и опережающий «Третий мир». Когда советское руководство обвиняют в том, что нефтедоллары не были использованы для модернизации экономики, это не вполне справедливо — в экономику вкладывались миллиарды рублей (а значит и долларов). Проблема заключалась в неэффективности этих вложений, а также в том, что у советского руководства не было понимания задач постиндустриальной модернизации. В Кремле мыслили валовыми категориями. Но чего мы хотим от Политбюро, если и российское руководство до сих пор занимается «удвоением ВВП», вместо того, чтобы выстраивать структуры постиндустриального общества.

Можно согласиться с С. Забелиным, который предлагает рассматривать кризис системы СССР как первый пример осуществления предсказаний авторов доклада Римскому клубу «Пределы роста» 1972 г. СССР приближался к пределам индустриального роста. В докладе, в частности, говорилось, что когда месторождения начинают истощаться, «становится необходимым использование всевозрастающих объемов капитала в ресурсных отраслях, в результате чего уменьшается доля, идущая на инвестирование и обеспечение роста в других отраслях. Наконец, инвестирование становится настолько малым, что уже не может покрывать даже амортизацию капитала, и наступает кризис промышленной производственной базы». Проявлением этой же тенденции являлся и нараставший в СССР экологический кризис¹⁹⁸.

Мысль Забелина нуждается в существенном уточнении. Советская система распалась не потому, что кончились ресурсы — Россия и поныне снабжает ими ближнее и дальнее зарубежье. Пределы роста заключались в том, что система не могла расти вширь, наращивать количественные показатели, сохраняя прежнюю структуру. В этом и заключался ее фундаментальный кризис — это был **кризис централизованного, монополизированного индустриального общества. Изменение структуры социальных отношений СССР в 80–е–90–е гг. было неизбежно.**

Советская система, пока ей хватало ресурсов, обеспечивала экономический рост и социальную стабильность. Поэтому, когда общество в своем развитии подошло к барьеру новой научно-технической революции, к решению задач постиндустриальной эпохи, правящая элита долго не решалась сделать следующий шаг. Дело в том, что любые подвижки к новым постиндустриальным отношениям были губительны для государственного «социализма». Такой переход требовал перестройки социального организма на новых основаниях, отказа от стремления к всеобщей управляемости в пользу большей автономности и творческой деятельности, горизонтальных, более равноправных социальных и коммуникативных связей. Не управляемые государством связи должны были выйти из тени так или иначе, и они вышли — полу-мафиозной экономикой с одной стороны и гражданским обществом — с другой. Если в середине XX в. задачи, стоявшие перед страной, требовали организации общества в виде «вертикали», то теперь требовалась «горизонталь», не пирамида, а корни травы.

¹⁹⁷ Там же. С. 52.

¹⁹⁸ Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рендерс, В.В. Бернес III, «Пределы роста». М., 1991; Забелин С. Что нам стоит дом построить. Уроки кризиса СССР. // «Берегиня» 1998. № 4.

Жесткость, негибкость социальной модели СССР практически исключала возможность плавных перемен. Страх перед разрушением ставил правящую элиту СССР в тупик — перемены губительны, но без них невозможно дальнейшее развитие экономики и общества. Индустриальная система достигла пределов роста, а понимания постиндустриальных задач у элиты практически не было. Не будем строго судить ее за это — теоретическое осознание проблемы информационной революции появилось в нашей стране только в ходе Перестройки. Сложившаяся в СССР система подавляла альтернативные индустриализму формы организации труда и жизни, что загоняло их в тень и не позволяло заняться современным производством. Без этого «фермента» хозяйство в целом тоже не могло преодолеть рубеж научно-технической революции и перейти к широкомасштабному производству технологий постиндустриального (информационного) общества. Проблема научно-технической революции, которая будоражила умы Андропова и Горбачева, заключалась не столько в способности советской экономики произвести экспериментальные образцы компьютерных технологий, а в том, что для их эффективного внедрения необходима горизонтальная социальная инфраструктура, способная обеспечить интенсивный обмен информацией. Отсутствие социальных условий информационно-технологической революции определяло постепенное, но неуклонное отставание СССР в международном соревновании, от итогов которого зависели не только позиции Союза как сверхдержавы, но и социальное благосостояние и безопасность его населения.

Столкнувшись с кризисом существующей в СССР социальной системы, правящая элита в лице ее ведущих лидеров и их советников не осознавала комплексности проблемы. Но поступившая «наверх» информация свидетельствовала: стимулы деятельности и работников, и руководителей гасятся, растет недовольство всех слоев населения их положением, коррупцией и привилегиями, темпы количественного роста продукции падают, а ее качество вызывает недовольство покупателей, нарастает дефицит всего от колбасы до природных ресурсов нарастает межэтническая напряженность, развиваются общественные движения, пропагандирующие необходимость перемен, возникла угроза отставания в гонке вооружений и падения международного престижа страны.

В этих условиях переход к реформам в 80-е гг. был неизбежен, кто бы не пришел к власти в середине десятилетия. От фигуры лидера зависели некоторые особенности, стиль преобразований. Но в целом все наследники Брежнева лучше знали, от чего хотят уйти, чем то, что надеются построить.

Советская социальная структура 70-х — начала 80-х гг. была достаточно прочной, могла выдерживать большие нагрузки, но боялась перемен. Отклонение от основных параметров системы на критическую величину (точного размера которой никто не знал) несло угрозу неуправляемого разрушения.